

Митрофанов А. Ю. ЦЕРКОВНОЕ ПРАВО И ЕГО КОДИФИКАЦИЯ В ПЕРИОД РАННЕГО СРЕДНЕВЕКОВЬЯ (IV–XI вв.). М.: Изд-во Крутицкого подворья; Об-во любителей церковной истории, 2010. (Материалы по истории Церкви. Кн. 45). 426 с.

Выход в свет монографии, посвященной изучению «динамики» (С. 37), «основных этапов» (С. 11) и «методологических принципов» (С. 12) кодификации церковного права на латинском Западе в сравнении с историей византийского Номоканона, заслуживает внимания по многим причинам. Во-первых, исследования по истории канонического права вообще сравнительно редки в отечественной науке, а западный материал до недавнего времени оставался для нее почти что «terra incognita». Во-вторых, автор обращается к церковно-юридическому наследию западного и византийского Средневековья в сравнительной перспективе. В силу большой сложности такой задачи, насколько нам известно, до сих пор анализ «динамики» и «принципов кодификации права» в двух канонических традициях никем не предпринимался. В-третьих, речь в книге идет о важнейшем, формативном периоде в истории церковного права. В его начале стоит дарование Константином мира церкви и последующее превращение христианства в государственную религию. В это время рамки церковного общества раздвигаются, его устройство значительно усложняется, возникает нужда, с одной стороны, в правовом регулировании множества вновь возникающих вопросов и проблем, с другой – в нормах, которые обеспечили бы сохранение христианской идентичности и преемственность церковной традиции. Эти нормы, за которыми в IV в. закрепляется термин *kanónes*, вскоре начинают целенаправленно собираться и распространяться. Конец обозначенного в заглавии периода отмечен на Западе новым революционным поворотом в развитии церковного права, связанным с резким усилением законодательной и судебной власти папства и с рождением профессиональной канонической юриспруденции, взявшей на вооружение новый диалектический метод интерпретации правовых норм. К периоду яркого расцвета юриспруденции приближается в конце XI в. и византийская церковь, хотя в отличие от Западе здесь едва ли уместно говорить о каком-либо историческом водоразделе: сам корпус норм церковного права успел к этому времени достаточно стабилизироваться. Проследить, как разошлись пути западной и греко-восточной канонических традиций, было бы, безусловно, поучительно. Вероятно, такой анализ в самом деле мог бы – как обещает автор в Предисловии – помочь «приблизиться к разгадке подлинных причин Великой схизмы 1054 г.» (С. 12).

Но, к сожалению, чтение книги не вполне оправдывает эти ожидания. Более того, остается непонятным, что автор вообще намеревался

исследовать. Читателю как бы предлагается самому выбрать из нескольких версий. «Главной темой настоящей книги можно считать изучение формирования Корпуса канонического права Римской церкви и достаточно общее сравнение его методологических принципов с аналогичными принципами византийского Номоканона» (С. 12). О каком корпусе идет речь, не уточняется, но можно предположить, что речь идет об истории текстов церковного права, имевших в Риме официальный статус. Далее, однако, мы видим, что рамки исследования выходят за пределы Рима и вообще Италии: среди перечисленных в монографии канонических сборников, которые представляют для автора принципиальный интерес, фигурируют, например, Псевдо-Исидоровы декреталии (С. 38). Соответственно целью работы заявлен «ответ на вопрос: какова была динамика кодификации церковного права в раннее Средневековье?» (С. 37). Что при этом понимается под «кодификацией», нигде не поясняется, но из контекста можно заключить, что в авторском словоупотреблении этот термин лишен своего привычного смысла, обозначая то производство каких бы то ни было сборников юридического содержания, то включение в такие сборники определенного документа. Пусть так. Стало быть, автор собирается проследить историю собирания и систематизации канонического материала на латинском Западе в период до Грациана? И снова нет! «Предметом исследования в настоящем сочинении станет рецепция римского церковного права в ходе „геласиевского“ возрождения» (С. 38). Что автор понимает под «римским церковным правом», которое сам же Рим и реципирует (С. 31, 36), увы, также нигде не эксплицируется. Где-то автор называет этими словами религиозное законодательство византийских императоров (С. 24, 35). В другом случае он говорит, применительно к Западу, о «церковной рецепции римского права» (С. 34; ср. С. 280), подразумевая под этим распространенное, но серьезно оспариваемое мнение о массивном заимствовании церковью понятий, институтов и норм римского права. Далее в книге мелькают упоминания о рецепции «греко-римского церковного права» (С. 287) – так автор называет постановления проходивших на Востоке вселенских и поместных соборов, чей авторитет признавался и на Западе. Однако ни один из этих смыслов не является, по-видимому, основным в книге. Чаще всего речь о «римском церковном праве» идет в связи с идеей папского примата, а под «рецепцией» имеется в виду «создание соответствующей правовой базы, которая наиболее четко отражала указанный экклесиологический принцип» (С. 222, примеч. 16). Правда, круг относящихся к этой базе документов в книге не очерчен, а рассуждения автора на эту тему несколько расплывчаты.

В девяти главах монографии автор дает обзор канонических сборников, истории их издания и изучения; обсуждает «динамику церковно-государственных отношений» (С. 41) и «эволюцию римской экклесиологии» (С. 40); подробно анализирует два особенно важных, с его точки зрения, сборника – «Collectio Quesnelliana» (рубеж V и VI вв.)

и «Collectio canonum» Ансельма Луккского (конец XI в.), и в заключение дает сравнительный очерк «канонического сознания» в Риме и Византии (С. 311). В приложении помещена «критическая публикация первоначального фонда папского архива Римской церкви первой половины V в.» (С. 332).

В первой главе автор приводит сведения о канонических сборниках, создававшихся с IV по VIII в. на греческом Востоке, в Италии, Африке, Галлии и Испании. Эти сведения он черпает прежде всего из старого учебника А.М. Штиклера по истории источников канонического права католической церкви латинского обряда¹. Вместе со сведениями о времени и месте происхождения того или иного сборника оттуда заимствованы порядок изложения, дополнительные библиографические ссылки и цитаты, так что текст главы местами представляет собой простой парафраз оригинала. Важным источником дополнительной информации послужил для автора более свежий очерк Ж. Годме «Les Sources du droit de l'Église en Occident, du IIe au VIIe siècle» (Paris, 1985). К конспекту этих двух книг автор может иногда добавить ту или иную деталь, но попытки учесть результаты хотя бы тех исследований, что были опубликованы после выхода книги Годме, он, к сожалению, не делает. На практике это значит, что, когда автор ссылается на «мнение современных ученых», речь часто идет о состоянии науки даже не 25, а 60 лет назад. Причем это касается не только второстепенных для автора сборников, которые он перечисляет просто «для полноты картины»², но и ранних сборников папских декреталий (С. 56), где находило выражение то самое «римское церковное право», исследование которого и являлось главной целью³, или возникновения и последующей рецепции сборника

¹ *Stickler A.M. Historia iuris canonici Latini: Institutiones academicae. Augusta Taurinorum, 1950. T. 1.*

² При этом сами по себе они могут быть очень важны. Так, «Concordia canonum» Крескония, дошедшая в трех десятках списков, наверняка заслуживает того, чтобы автор отметил выход в свет в 1992 г. первого критического издания (*Zehiel-Eckes K. Die Concordia canonum des Cresconius: Studien und Edition. Frankfurt am Main, 1992*) и довел до сведения читателя выводы публикатора о времени и месте создания сборника, а не пересказывал Штиклера и через его посредство еще более старую работу В. Пейтца, чьи выводы были отвергнуты последующими исследователями (С. 59). Не меньшее недоумение вызывает основанная опять-таки на Штиклере справка о Дионисии Малом как канонисте (С. 54–55). Отмечая, что его сборник «в значительной степени определил будущую эволюцию юридического сознания на средневековом Западе» (С. 54), автор не счел нужным сообщить, что нового было сделано в его изучении за последние 60 лет.

³ Неточно передавая Штиклера (*Stickler A.M. Op. cit. P. 46*), автор упоминает о существовании около середины V в. лишь одного сборника декреталий, тогда как исследователи реконструируют состав по крайней мере трех таких сборников, см.: *Jasper D. The Beginning of the Decretal Tradition // Jasper D., Fuhrmann H. Papal Letters in the Early Middle Ages. Washington, 2001. P. 22–28. (History of Medieval Canon Law; [Vol. 2]).*

канонов вселенских и поместных соборов, так называемого «Corpus canonum Antiochenum», хотя его значение автор неоднократно подчеркивает (С. 44–46, 49–50, 67–69, 211–213)⁴. В одной важной детали, впрочем, А.Ю. Митрофанов все же решается поправить Штиклера и Годме. Основываясь на работе архиеп. Петра (Л'Юилье), повторяющей тезис статьи Ж. Лебона⁵, А.Ю. Митрофанов включает в перечень поместных соборов, чьи каноны были реципированы и на Востоке, и в Риме, между Анкирой (314) и Неокесарией (315/19) Кесарию Каппадокийскую, также под 314 г. (С. 44). Далее он сообщает, что каноны, фигурирующие в изданиях как Правила 20–25 Анкирского собора, были приняты на соборе в Кесарии Каппадокийской (С. 211–212). От внимания автора ускользнуло, однако, то, что большинство специалистов-востоковедов сегодня, напротив, считают известные только в армянской версии «каноны Ке-

⁴ Сообщаемые А.Ю. Митрофановым сведения в данном случае неполны и неточны, в частности, в том, что касается включения в греческий «Corpus canonum» правил Сердикского собора якобы ок. 379 г. (С. 45, 303–304). В действительности они не содержатся ни в одном восточном сборнике ранее середины VI в., впервые появляясь только в «Синагоге I титулов» Иоанна Схоластика, а затем в «Синтагме XIV титулов», см.: *Hess H. The Early Development of Canon Law and the Council of Serdica*. Oxford, 2002. P. 129–130. «Corpus canonum» возник в Антиохии при епископе-омии Евзое (361–376), а затем при епископе Мелетии и его преемниках был переработан в духе никейского православия. В его истории прослеживается несколько этапов: 1) первоначальное ядро, включавшее каноны Анкирского и Неокесарийского соборов, расширенное затем за счет 2) правил Гангрского, Антиохийского и Лаодикийского собора. После 379 г. были прибавлены 3) исповедание веры и каноны Никейского (I Вселенского) собора, с которых отныне начинался сборник. Включение 4) правил Константинопольского (II Вселенского) собора 381 г. произошло, вероятно, в V в. Тогда же сборник получил признание в других церквях; он цитируется в деяниях Халкидонского (IV Вселенского) собора 451 г., каноны которого также вскоре были включены в него (5). См.: *Schwartz E. Die Kanonensammlungen der alten Reichskirche // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte*. 1936. Kan. Abt. Bd. 25. S. 1–18; *Selb W. Die Kanonensammlungen der orientalischen Kirchen und das griechische Corpus Canonum der Reichskirche // Speculum iuris et ecclesiarum*. Festschrift für W. M. Plöchl. Wien, 1967. S. 371–383. Вопрос о том, где были впервые осуществлен перевод этого корпуса текстов на латинский, остается спорным. Х. Мордек, последним исследовавший этот вопрос, приходит к выводу, что перевод возник в Карфагене, но вскоре был реципирован в Риме, где оброс рядом добавлений, в которых расставлялись римские акценты, см.: *Mordek H. Karthago oder Rom? Zu den Anfängen der kirchlichen Rechtsquellen im Abendland // Studia in honorem A.M. Stickler*. Roma, 1992. P. 359–374.

⁵ *Lebon J. Sur un concile de Césarée // Le Muséon*. 1938. T. 51. P. 89–132; *Петр (Л'Юилье), архиеп.* Правила первых четырех Вселенских Соборов. М., 2005. С. 335.

сарийского собора» поздней переделкой Правил Анкирского собора и сомневаются в том, что этот собор действительно соби́рался⁶.

Кроме того, что и как автор пишет, важно отметить и то, мимо чего он проходит. Одной из основных задач исследования заявлен анализ «методологических принципов» кодификации церковного права, но на эту тему обзор нескольких десятков канонических сборников, создававшихся в IV–VIII вв. в разных частях христианского мира, к сожалению, не содержит ровным счетом ничего. Читатель не найдет здесь, к примеру, обсуждения того, как под общей категорией канонического права в рамках этих сборников постепенно оказались объединены столь разнородные по своему происхождению документы, как решения соборов, послания пап и восточных епископов, законодательство императоров, позднее также пенитенциалы, франкские капитулярии и епископские статуты, фрагменты богословских, агиографических и исторических сочинений. Нет здесь и анализа технического аспекта составления сборников: какие использованы источники, как расположен материал, имеется ли предисловие, оглавление, нумерация глав и т.д. Что должен читатель вынести для себя из этого обзора, непонятно. Вывод, который в заключение предлагает автор, звучит так: «Представляется самоочевидным то, что полноценное изучение как средневековой истории в целом, так и церковной истории раннего Средневековья в частности возможно лишь с учетом анализа и адекватного понимания церковно-юридической литературы того времени» (С. 84). С этим, в общем-то, сложно спорить.

В пространном очерке «научной традиции изучения церковно-юридической литературы и ее эволюции» (С. 85–161) содержится мало сведений, которые могли бы помочь разобраться в проблеме кодификации, или в различиях и сходствах латинского и греческого церковного права и юриспруденции, или, наконец, в генезисе идей папского примата. Автор лишь перечисляет публикации соборных деяний и канонов и прочих юридических памятников, вышедшие в свет с XVI в., с краткими сведениями об ученых, их подготовивших, а также сообщает читателю о своих историографических симпатиях в области церковной истории и, особенно подробно, о своих мировоззренческих убеждениях.

В главе о «развитии идеи первенства римского епископа», изложив вкратце «традиционную ультрамонтанскую позицию» (С. 163) и мнение сторонников «православной евхаристической экклесиологии» (С. 164), автор формулирует, со ссылкой на книгу Ш. Пьетри⁷ и статью Б. Баде-

⁶ Kaufhold H. Die Rechtssammlung des Gabriels von Baṗra. Berlin, 1976. S. 11–15; Esbroeck M. van. Saint Grégoire d'Arménie et sa Didascalie // Le Muséon. 1989. T. 102. P. 132–137, 145; Mardirossian A. Le Livre des canons arméniens... Église, droit et société en Arménie du IVe au VIIIe siècle. Leuven, 2004. P. 370–375. (Corpus Scriptorum Christianorum Orientalium; Vol. 606 = Subsidia; T. 116).

⁷ Piètri Ch. Roma Christiana. Rome, 1976.

ван-Годме⁸, собственную позицию в богословских контрroversах: с первых веков христианства римские епископы пользовались «реальным, а не фиктивным первенством», которое «подспудно осознавал[ось] и в Италии, и в некоторых других западных провинциях империи», что «имело уже тогда глубокие религиозные, духовные основы, связанные с почитанием первоверховных апостолов»; вместе с тем «это „председательство [в любви]“ и авторитет не были еще юридически выражены и нередко недооценивались современниками» (С. 165). Далее, используя факты, изложенные по большей части в той же статье Бадеван-Годме (ссылки на которую даны далеко не во всех случаях), автор рисует картину того, как христианские общины разных частей христианского Запада «стремились под верховный омофор Римского архиерея» (С. 179). Непризнание византийской церковью притязаний папства на вселенскую юрисдикцию автор объясняет главным образом «восточной религиозной психологией» (С. 182). При этом, заявляя темой своего исследования церковное право и его кодификацию, автор на деле очень мало использует юридический материал – ранние западные канонические сборники и папские декреталии, и, к сожалению, опускает анализ таких основополагающих для доктрины папского примата, равно как и для теории канонического права, документов, как, например, декреталии пап первой трети V в. Иннокентия I, Бонифация I, Целестина I⁹ и даже эпохальных документов понтификата Льва Великого¹⁰. Анализ канонических сборников очень неполон и поверхностен. Ничего не говорится о том, намеренно или в результате случайной ошибки Рим выдавал за правила Никейского собора сердикские каноны, предоставляющие Римскому епископу право вмешиваться в судебные конфликты в других церковных провинциях¹¹. Касаясь странной и тенденциозной латинской редакции 6-го Правила Никейского собора, сводящей его смысл к тому,

⁸ *Basdevant-Gaudemet B. Les évêques de la chrétienté et l'évêque de Rome, du milieu du IIIe au milieu du Ve siècle // Eadem. Église et Autorités. Études d'histoire du droit canonique médiéval. Limoges, 2006. P. 25–49.*

⁹ Об их значении см.: *Landau P. Kanonisches Recht und römische Form // Der Staat. 1993. Bd. 32. S. 553–568.*

¹⁰ *Ullmann W. Leo I and the Theme of Roman Primacy // Journal of Theological Studies. 1960. N.S. Vol. 11. P. 25–51.*

¹¹ Обе точки зрения имеют своих сторонников. В пользу целенаправленного искажения склоняются: *Schwartz E. Kanonensammlungen... S. 52; Brennecke H. C. Rom und der dritte Kanon von Serdika // Zeitschrift der Savigny-Stiftung für Rechtsgeschichte. 1983. Kan. Abt. Bd. 69. S. 45.* Не усматривают умысла: *Ohme H. Kanon ekklesiastikos. Berlin, 1998. S. 447–448; Hess H. The Early Development... P. 128–129.* А.Ю. Митрофанов неверно представляет обстоятельства дела, когда пишет: «[папа] Зосим хотел сослаться на 4 и 5 каноны Сердикского собора... Однако он допустил ошибку и сослался на один из канонів I Никейского собора, в данном вопросе ничего не значивших» (С. 174).

что «римская церковь всегда имела первенство»¹², автор ограничивается следующим комментарием: «Следует ли обвинять римских переводчиков 6-го канона I Никейского собора в искажении смысла этого постановления? Разумеется, нет, ибо церковное сознание в Риме... было основано в значительной степени на вполне определенной иерархии ценностей» (С. 188). Автор как будто забывает, что задача науки вовсе не в том, чтобы обвинять или оправдывать, а в том, чтобы описывать и объяснять, в частности, ту немаловажную роль, которую сыграли в западном каноническом праве разного рода *spuria*¹³. Именно отстраненного юридического анализа больше всего не достаёт как этой главе, так и книге в целом. Юридическая терминология употребляется автором в несвойственных ей значениях: «...какие же субъекты права издавали постановления в соответствии с правовыми прецедентами? ...субъектами канонического права являлись церковные соборы» (С. 71–72; «субъектом права» назван субъект правотворческой деятельности, т.е. законодатель); «рескрипт Медиоланского собора..., направленный [папе] Сирию» (С. 178; «рескрипт» – имеющий обязательную силу ответ императора на обращенный к нему судебный или административный вопрос); «[Сердикский] собор признал Римского папу третейским судьей в Церкви» (С. 189; «третейским» называется судья, выбранный по общему согласию сторонами конфликта; описываемая в правилах 4 и 5 Сердикского собора процедура – это римская *supplicatio*). К этому можно добавить и настойчивое употребление А.Ю. Митрофановым, вразрез с научной традицией, термина «декрет» вместо «декреталия» для обозначения папского послания по дисциплинарным церковно-правовым вопросам. Автор допускает фактические неточности, под видом твердо установленных фактов предлагает несколько довольно шатких догадок. Так, карфагенской церкви ошибочно приписаны практики повторного крещения «грешников» (вероятно, автор имеет в виду так называемые «lapsi» – христиан, принесших под давлением преследователей языческие жертвы) и повторного рукоположения «православных клириков, впавших в грех» (С. 171)¹⁴. Когда автор утверждает, что «I Никейский

¹² Об этой редакции см.: *Mordek H. Der römische Primat in den Kirchenrechtssammlungen des Westens vom IV. bis VIII. Jahrhundert // Il primato del vescovo di Roma nel primo millennio. Città del Vaticano, 1991. P. 525–534.*

¹³ Обзор проблемы см.: *Landau P. Gefälschtes Recht in den Rechtssammlungen bis Gratian // Fälschungen im Mittelalter. Teil 2: Gefälschte Rechtstexte. Hannover, 1988 (Monumenta Germaniae Historica. Schriften. Bd. 33/2). S. 11–49; Blumenthal U.-R. Fälschungen bei Kanonisten der Kirchenreform des 11. Jh. // Ibid. S. 241–262.*

¹⁴ Вопрос о повторном крещении касался только крещеных вне католической церкви, см.: *Bévenot M. Cyprian's platform in the rebaptism controversy // Heythrop Journal. 1978. Vol. 19. P. 123–142.* О практике африканской церкви на рубеже IV и V вв. см.: *Soden H., von. Der Streit zwischen Rom und Karthago über die Ketzertaufe // Quellen und Forschungen aus italienischen Archiven und Bibliotheken. 1909. Bd. 12. S. 34.* Епископов и священников, отрехшихся от

собор 325 г. проходил под председательством легатов папы Сильвестра, а именно Осия Кордубского» (С. 184), он принимает без каких-либо оговорок (и ссылок) сразу два допущения, выходящих далеко за пределы того, что достоверно известно¹⁵. Также он вносит ненужную путаницу, приписывая Р. Беллармину авторство определения ряда церковных соборов, начиная с Никейского 325 г., как «вселенских» (С. 184). Эта информация, по всей видимости, позаимствована без ссылки из книги Басдеван-Годме¹⁶, но при этом неверно истолкована. В действительности на Востоке Никейский собор называли «вселенским собором» уже в IV в., в том числе сами его участники¹⁷. Указание на отличие вселенских соборов от поместных встречается, например, в предисловии к Синтагме XIV титулов (ок. 580 г.); VII Вселенский собор (Правило 1) окончательно закрепил в каноническом праве разницу между теми и другими.

Центральная часть работы – анализ «Collectio Quesnelliana» и публикации отдельных частей этого памятника (С. 204–241, 332–400). Сборнику, которому пособия по истории источников церковного права обычно уделяют не слишком много внимания¹⁸, А.Ю. Митрофанов отво-

---

Христа во время гонений, Киприан считал утратившими благодать Св. Духа и подлежащими безвозвратному извержению из сана, см.: *Saltet L. Les Réordinations*. Paris, 1907. P. 28–34; *Bévenot M. The Sacrament of Penance and St. Cyprian's De lapsis // Theological Studies*. 1955. Vol. 16. P. 175–213.

¹⁵ Это тезис старых апологетических работ В. Грюмеля и Ж. Девийяра, а передаточным звеном послужили, вероятно, комментарии в изд.: *Joannou P.-P. Discipline générale antique (IIe – IXe siècles)*. Grottaferrata, 1962. Т. 1/1. P. 22. (Pontificia commissione per la redazione del Codice di diritto canonico orientale. Fonti; Fasc. 9). Сегодня среди исследователей существует консенсус: папа и его легаты, римские пресвитеры Вит и Винцент, не играли значимой роли ни в созыве собора, ни в принятии им решений будь то по догматическим или дисциплинарным вопросам. Осий рассматривается как доверенное лицо императора, но председательствовал ли на заседаниях собора в отсутствие Константина он или другой епископ (Евстахий Антиохийский, Александр Александрийский) – мнения исследователей расходятся, см.: *Bardy G. Nicée // Dictionnaire de droit canonique*. Paris, 1957. Т. 6. Col. 1002; *Wojtowycsch M. Papsttum und Konzile von den Anfängen bis zu Leo I.* Stuttgart, 1981. S. 82; *Camelot P.-T. Nicée // Catholicisme hier, aujourd'hui, demain*. Paris, 1982. Т. 9. Col. 1197; *Brennecke H. C. Nicäa I // Theologische Realenzyklopädie*. Berlin, 1994. Bd. 24. S. 432; *Alberigo G. Concilium Nicaenum I // Conciliorum oecumenicorum generaliumque decreta / Ed. G. Alberigo et al.* Turnhout, 2006. Vol. 1. P. 6–7. (Corpus Christianorum).

¹⁶ *Basdevant-Gaudemet B. Église et Autorités...* P. 65.

¹⁷ См.: *Chadwick H. The Origin of the Title 'Oecumenical Council' // Journal of Theological Studies*. 1972. N.S. Vol. 23. P. 132–135.

¹⁸ Ср.: *Van Hove A. Prolegomena ad Codicem iuris canonici*. Mechliniae; Romae, 1945². P. 156–157. (Commentarium Lovaniense in Codicem iuris canonici; Vol. 1/1); *Stickler A.M. Historia...* P. 50–51; *García y García A. Historia del derecho canonico. El primer milenio*. Salamanca, 1967. P. 174–175; *Gaudemet J. Sources...* P. 133.

дит ключевую роль в эволюции западной канонистики. Вслед за первым издателем сборника Паскье (Пасхазием) Кенелем (Quesnel), которого автор почему-то называет Паскалем Квеснеллом, но вопреки абсолютно всей последующей историографии автор утверждает, что «*Collectio Quesnelliana*» явилась первым «официальным корпусом права Римской церкви» (С. 325)¹⁹. Согласно выводам автора, она была составлена в 494–495 гг. (С. 223) по личному указанию папы Геласия (С. 217) на базе материалов папского архива (С. 217, 223, 264–265) и стала «главным итогом “геласиевского” возрождения» (С. 40, 197), а впоследствии легла в основу сборников Дионисия Малого (С. 219, 326). В силу скудности источников в историографии позднеантичных и раннесредневековых церковно-юридических сборников больше смелых гипотез, нежели твердых фактов, поэтому время от времени, несомненно, полезно подвергать ревизии устоявшиеся мнения. Но условием этого является тщательный разбор выдвигавшихся аргументов, а именно этого нет в рецензируемой монографии А.Ю. Митрофанова. Так, Э. Шварц в свое время показал, что часть папских документов, включенных в «*Collectio Quesnelliana*», образует единый блок, который встречается также в других сборниках и мог возникнуть в таком виде только после смерти папы Геласия (495)²⁰. Если выкладки Шварца верны, то Геласий не мог быть инициатором создания «*Collectio Quesnelliana*». Далее, исследуя рукописную традицию декреталий, Г. Вурм выявил многочисленные свидетельства того, что составитель «*Collectio Quesnelliana*» черпал свой материал в наличных сборниках декреталий и не имел прямого доступа к папскому архиву²¹. Что же касается Дионисия, то если «*Collectio Quesnelliana*» и оказала влияния на него, то, как полагает Вурм, лишь в качестве отрицательного примера²². Ответа на эти доводы в книге А.Ю. Митрофанова не дано, они просто обойдены молчанием. Между тем, если эти доводы верны, они рушат многие построения автора.

Испытывая скепсис в отношении основных выводов главы, мы не можем, однако, не отметить фундированность экскурса, посвященного рукописной традиции «*Collectio Quesnelliana*» (С. 224–237). Автор развивает наблюдения других исследователей о стемматических отноше-

¹⁹ S. Leonis Magni papae Primi Opera omnia / [Ed. P. Quesnel]. Lutetiae Parisiorum: sumpt. J.-B. Coignard, 1675. Т. 2. Р. 638–669 (Diss. XII). Вопреки утверждению автора (С. 36), К. Силва-Тарока и Ж. Годме не разделяли эту точку зрения.

²⁰ Schwartz E. Publizistische Sammlungen zum acacianischen Schisma. München, 1934; S. 264–280. (Abhandlungen der Bayerischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-historische Abteilung, N. F.; Heft 10); *Idem*. Kanonessammlungen... S. 85, 89.

²¹ Wurm H. Studien und Texte zur Dekretalensammlung des Dyonisius Exiguus. Bonn, 1939 (перепеч.: Amsterdam, 1964). S. 210–223. Ср.: Jasper D. Beginning... P. 50–51.

²² Wurm H. Op. cit. S. 172–175 («*Collectio Quesnelliana*» не служила Дионисию источником), 223 («bewußt Gegensatz»).

ях сохранившихся списков и высказывает хорошо обоснованные гипотезы об обстоятельствах их происхождения и предназначении.

В приложении к работе предложено частичное издание текста «Collectio Quesnelliana» (С. 332–400). Оценить такого рода публикацию, не имея доступа к рукописям, трудно, но позволим себе, тем не менее, высказать несколько наблюдений. На сегодняшний день имеются два полных, но сильно устаревших издания «Collectio Quesnelliana», более удовлетворительное из которых было опубликовано П. и Дж. Баллерини в 1758 г. и перепечатано Ж.-П. Минем в его «Patrologia Latina»²³. Кроме того, отдельные тексты, входящие в состав «Collectio Quesnelliana», выходили в современных критических изданиях, базирующихся в одних случаях только на списках «Collectio Quesnelliana», в других – также на каких-либо еще родственных ей группах рукописей. Обращает на себя внимание, что за исключением двух списков титулов (С. 340–350, 387–388) остальные тексты, выбранные автором для публикации, относятся именно к этой группе. Издание материалов Никейского и Сердикского соборов (С. 351–385) находит параллель в издании К.Г. Тернера²⁴, а «Breviarium Hipponense» (С. 386–400) – в издании Ш. Мунье²⁵. Выборочное сравнение текстов и аппарата дает следующие результаты.

Общее оглавление (С. 340–350). Какой список взят в качестве основного при установлении текста, не вполне ясно, но в аппарате предпочтение отдается чаще всего вариантам, представленным списками Arras, Bibl. Munic., 664 и Einsiedeln, Stiftsbibl., 191, которые не были использованы в изданиях Кенеля и Баллерини²⁶. Иногда, несмотря на наличие удовлетворительных чтений в других списках, выбор по непонятным соображениям делается в пользу грамматически бессмысленных вариантов, таких как 341₃₃ ad episcopos proum (prouin? – А.Б.) byzacenem²⁷. Впечатление небрежности производят спорадически остающиеся нераскрытыми контракции: 340₁ costituta, 340₂₂ inocenti и т. п. Не всегда ясно, отражают ли особенности конкретного списка или являются результатом ошибки набора оставленные без какого-либо комментария иррегулярные орфографические формы, такие как 340₂₄ cartagaginiensem, или повтор слова: 341₃₆₍₃₃₎ actis actis. Необычны конвенции, применяемые при капитализации слов: имена собственные не в

²³ Patrologiae cursus completus / Accur. J.-P. Migne. Parisiis, 1846. Ser. 1. T. 56. Col. 359–746. (далее: PL)

²⁴ Ecclesiae Occidentalis monumenta iuris antiquissima / Ed. C.H. Turner. Oxford, 1899–1939. T. 1/1/1. P. 37–91; T. 1/1/2. P. 107–110, 155–163, 165–169, 173, 179–239, 275–277; T. 1/2/3. P. 452–486. (Далее: EOMIA)

²⁵ Concilia Africae. A. 345 – a. 525 / Cura et studio C. Munier. Turnhout, 1974. P. 22–49. (Corpus Christianorum. Series Latina; Vol. 149). (Далее: CChr)

²⁶ S. Leonis Magni Opera omnia... T. 2. P. 3–10; PL. T. 56. Col. 359A–368A.

²⁷ Указание номера строки здесь и далее имеет большую долю условности, поскольку их счет сбивается уже на первой странице публикации.

начале предложения, как правило, написаны со строчной буквы, но для *potina sacra* сделано исключение.

В следующих далее фрагментах публикации бросаются в глаза резкие и при этом никак не объясненные изменения в передаче орфографических особенностей оригинала и полноте учета разночтений в критическом аппарате. В совокупности они, по-видимому, указывают на иной характер положенных в основу материалов и использование иных методов.

Правила 10–19 Никейского собора 325 г. (С. 370_{119–225}). Текст публикации совпадает с текстом, изданным в PL (Т. 56. Col. 395B–400A) и в EOMIA (Т. 1/1/2. P. 211–239, 276–277) во всех случаях, где те совпадают, за исключением текста правил 16 (С. 373₁₈₁) и 18 (С. 374_{205–208}), где в угловых скобках добавлены слова, отмеченные в PL и EOMIA лишь в критическом аппарате. Там, где между PL и EOMIA имеются расхождения, в данной публикации предпочтение отдано иногда варианту PL (С. 371_{145, 153}, 372₁₇₃, 374₁₉₈), иногда варианту EOMIA (С. 370_{121–122}, 371₁₅₇, 373_{186, 188}; ср.: 373₁₉₂), чаще же всего имеющиеся в одном, но отсутствующие в другом издании слова просто заключены в угловые скобки (С. 371_{143, 159}, 372₁₆₀ et saepius). Кроме того, перед каждым каноном в угловых скобках добавлено надписание по списку F (Paris, Bibliothèque Nationale, Lat. 1454). Поскольку, помимо этого, каждый канон имеет и другое надписание, совпадающее с изданием PL, неясно, дает ли этот список одновременно оба надписания. В любом случае внесение этих вариантов в основной текст создает ненужную путаницу.

Критический аппарат не содержит ни одного нового чтения в сравнении с PL и EOMIA, данные которых, по-видимому, просто скопированы. Зависимость публикации от предыдущих изданий отчетливо видна в ошибках. Например, ad 371₁₅₂ приведен вариант «observabitur et ultimo viae suae» с пометой «I, *Quesn.*», которую, по всей видимости, следует понимать: «список I, как он отражен в издании Кенеля». Это разночтение, как и все остальные с такой же пометой, можно найти в PL (Col. 396D not. O). Однако в самом издании Кенеля указано: «observabitur ut ultimo viae suae»²⁸. Далее, ad 373₁₉₀ дан вариант «sesquiptum C». Нечто похожее стоит и в PL (Col. 398D not. N): «Vind. [= C] praefert *sesquiplum*», но вследствие низкого качества печати в последнем слове *l* можно принять за *t*. Между тем EOMIA (P. 229, лев. стлб.) не оставляет сомнений относительно правильного чтения: «sesquiplum Y² [= C] Φ [= D]».

Оглавление «*Breviarium Hipponense*» (С. 387–388). Текст в целом совпадает с PL (Col. 415A–418A). Немногочисленные расхождения объясняются, вероятно, ошибками при наборе: 386₁ Attico et et Caesario consulibus (курсив здесь и далее мой. – А.Б.); 387₂₄ Vt

²⁸ S. Leonis Magni Opera omnia... Т. 2. P. 26.

sacramentum catechumenis non dentur; 387₄₉ panis et uinum aquae mixtum. Критический аппарат отсутствует.

Главы 10–20 «Breviarium Hipponense» (С. 392₁₇₀–394₂₁₇). Текст часто отклоняется от издания PL (Col. 424В–425С), предпочитая варианты, указанные в аппарате к тексту ССhг. (Р. 36₇₈–39₁₂₃): 392₁₇₄ rotuerit; 392₁₇₇ p̄uearicari; 392₁₇₉ expectacula и т.д. Чем обусловлено предпочтение, отдаваемое тому или иному разночтению, порой сложно понять (например, 393₁₉₆ peregrina вместо peregrinari лишено грамматического смысла и засвидетельствовано, согласно ССhг, только одним списком). Местами вероятно ошибка набора: так, 393₂₁₄ testimonia не только отсутствует в других изданиях, но и является лишним с синтаксической и смысловой точек зрения; по-видимому, оно попало сюда из текста следующего канона. Как и в остальной части «Breviarium», разночтения почти не приводятся, а немногие указанные все без исключения могут быть найдены в ССhг.

Приведенные наблюдения приводят к выводу, что при подготовке публикации систематическая колляция списков проводилась только в отношении оглавления сборника, тогда как в остальной части рукописный материал – возможно, один список F (Paris, Bibliothèque Nationale, Lat. 1454) – использовался лишь спорадически, а видимость аппарата создавалась за счет компиляции данных PL, EOMIA и ССhг. Такой подход никоим образом не соответствует критериям критического издания.

В дальнейших главах А.Ю. Митрофанов развивает свой тезис, что «рецепция римского церковного права» способствовала утверждению идеи римского примата. В качестве ключевых текстов этой истории он выделяет два канонических сборника: Псевдо-Исидоровы декреталии (С. 270–277) и «Collectio canonum» Ансельма Луккского (С. 279–302). Автор резюмирует историографический статус-кво по вопросу их происхождения и рукописной традиции, правда, не уточняя, что приводимые им сведения об обстоятельствах создания и личности автора Псевдо-Исидорова сборника являются не просто «мнением большинства современных исследователей» (С. 270), а результатом разысканий покойного К. Цехиль-Экеса, на работы которого следовало бы сослаться²⁹. Относительно рецепции сборника была бы уместна ссылка на фундаментальное исследование Х. Фурмана³⁰. Самостоятельных наблюдений и выводов в этой части мало, за исключением нескольких смелых догадок о том, каким практическим интересам могли служить те или

²⁹ Zechiel-Eckes K. Ein Blick in Pseudoisidors Werkstatt // Francia. 2001. Bd. 28. S. 37–90; *Idem*. Auf Pseudoisidors Spur // Fortschritt durch Fälschungen? Ursprung, Gestalt und Wirkungen der pseudoisidorischen Fälschungen. Hannover, 2002. S. 1–28. (Monumenta Germaniae Historica: Studien und Texte. Bd. 31).

³⁰ Fuhrmann H. Einfluss und Verbreitung der pseudoisidorischen Fälschungen von ihrem Auftauchen bis in die neuere Zeit. 3 Bde. Hannover, 1972–1974 (Monumenta Germaniae Historica. Schriften. Bd. 24/1–3).

иные редакции Ансельмова сборника (С. 294–295). Далее автор выдвигает тезис, что «*Collectio canonum*» Ансельма «окончательно определило принципы ультрамонтанской “монархической” экклесиологии Рима» (С. 295). Если это должно означать, что, по мнению автора, дальнейшего развития не последовало, то это, конечно, неверно – римско-католической церкви предстояло еще долгий путь к I Ватиканскому собору и догмату папской непогрешимости. Совершенно отсутствует попытка рассмотреть сборник Ансельма в современном ему контексте³¹. Вместо этого, следуя заданной в начале книги схеме поступательного развития римской экклесиологии под действием «рецепции римского церковного права», автор трактует сборник Ансельма Луккского просто как «итого кодификации церковного права в постсидоровский период» (так в названии главы), игнорируя новые темы и акценты, характерные для реформы XI в.³².

Лишены какого-либо основания рассуждения автора об особом жанре «декретов» и некоей «школе» их составителей, «итоги существования» которой якобы подвел Грациан (С. 277–278, 302, 329–330)³³, а также утверждение, что «научным центром» комментаторов декретального права стал Рим, тогда как Болонья специализировалась якобы лишь на изучении Декрета Грациана (С. 302, примеч. 63).

В заключительной главе автор обращается к истории византийских канонических сборников, прежде всего «Номоканона XIV титулов» в его различных редакциях (в числе которых он не может определиться) (С. 306–307) и к сопоставлению византийского и римского «канонического сознания» (С. 311). Это он делает на примере первого титула «Номоканона» и первой книги сборника Ансельма Луккского, привлекая также материал других западных сборников XI – начала XII в. (С. 314–319). Результаты подобного сравнения представляются сомнительными, ведь речь идет о принципиально разных вещах. Составляя свои собрания, Ансельм и другие западные канонисты определяют круг вопросов, на который необходимо дать ответ, и подбирают к ним подходящие

³¹ См.: *Gaudemet J.* La primauté pontificale dans les collections canoniques grégoriennes // *Cristianità ed Europa. Miscellanea di studi in onore di L. Prosdocimi.* Roma, 1994. Vol. 1/1. P. 59–90, а также в более широкой перспективе: *Blumenthal U.-R.* The Papacy and Canon Law in the Eleventh-Century Reform // *Catholic Historical Review.* 1998. Vol. 84. P. 201–216.

³² См., например: *Fuhrmann H.* Über den Reformgeist der 74-Titel-Sammlung // *Festschrift für H. Heimpel.* Göttingen, 1972. Bd. 2. S. 1110, 1117–1120.

³³ Название «Декрет», утвердившееся за сборниками Бурхарда и Грациана, имеет позднее происхождение. Оно связано с термином «*decreta*» (мн. ч., обычно в сочетании *liber, codex, corpus, opus, volumen decretorum*), которым в средневековых университетах обозначали тексты источников канонического права, собранные в различных сборниках, точно так же, как «*sententiae*» означали богословские тексты, см.: *Heyer F.* Namen und Titel des Gratianischen Dekrets // *Archiv für katholisches Kirchenrecht.* 1914. Bd. 94. S. 503–504.

«auctoritates» – папские послания, соборные каноны, цитаты отцов церкви и т.д. Что включать, а что нет, в каком порядке выстраивать материал – зависело целиком от воли составителя. Беря из своих источников какой-либо канон, он мог предпослать ему новое надписание или отредактировать сам текст. Таким образом каждый массив текстов (титул, книга), как правило, служил выражением определенной, подчас полемически заостренной позиции. Совсем иначе устроены титулы византийского «Номоканона», порядок и состав которых унаследован от «Синтагмы XIV титулов». По происхождению это – систематический указатель к сборнику, содержание которого является заданной величиной, поскольку состоит не из специально подобранных отрывков, а включает все каноны того или иного собора единым блоком. Нет ничего удивительного, что составитель титулов, прошедший через школу аристотелевской логики, собирал в первом титуле наиболее общие вопросы, затрагиваемые канонами (в основном вероучительные определения). Иначе говоря, если начать произвольно составленный сборник с раздела о папском примате – это политическая декларация, то начать указатель к заранее заданному корпусу соборных решений с отсылки к догматическим определениям – дело классификационных навыков.

Итак, как нам кажется, научная ценность книги А.Ю. Митрофанова неочевидна. Основной тезис автора, согласно которому «Collectio Quesnelliana» представляла собой не довольно беспомощную компиляцию циркулировавших в Италии и Галлии канонических текстов, составленную неизвестным частным лицом, как это считается в историографии, а первый официальный кодекс римской церкви, по нашему мнению, несостоятелен. С точки зрения проблемы кодификации церковного права, будь то на латинском Западе или на византийском Востоке, книга малоинформативна, ссылки на использованные источники информации подчас недобросовестны или неаккуратны. Значительная часть работы, к сожалению, носит компилятивный характер. Кроме того, в книге А.Ю. Митрофанова отразились и некоторые общие тенденции определенной части современной российской гуманитарной научной продукции, такие как размывание границ между научным исследованием и публицистикой и ставшее почти обязательным включение назидательного элемента в работы, посвященные истории церкви или памятникам христианской литературы³⁴.

А.В. Бусыгин

---

³⁴ Ср. по-прежнему верные замечания С. Франклина: *Franklin S. Towards Post-Soviet Pre-Modernism // Byzantine and Modern Greek Studies*. 1994. Vol. 18. P. 271–275.